

© А. М. СТОЧИК, С. Н. ЗАТРАВКИН, 1999

УДК 616-091:378.661(470)«18»

А. М. Сточик, С. Н. Затравкин

ПРЕПОДАВАНИЕ ПАТОЛОГИЧЕСКОЙ АНАТОМИИ В МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

(к 150-летию кафедры патологической анатомии Московской медицинской академии им. И. М. Сеченова)

Сообщение I. Письмо М. Я. Мудрова М. Н. Муравьеву

Московская медицинская академия им. И. М. Сеченова, НПО "Медицинская энциклопедия" РАМН

Весной 1805 г. попечитель Московского учебного округа М. Н. Муравьев получил письмо из Парижа. Его корреспондентом был недавний выпускник медицинского факультета Московского университета, направленный для усовершенствования "в чужие края", М. Я. Мудров. Содержание письма не могло не привлечь внимание попечителя. М. Я. Мудров не отчитывался, как это было принято для питомцев университета, посланных за границу, а, основываясь на знакомстве с работой лучших медицинских школ Европы, представил на благоусмотрение "благодетельного и истинно пекущегося о просвещении Отечества" начальника развернутый план первоочередных преобразований, направленных на совершенствование преподавания на медицинском факультете Московского университета "практических (руководительных) наук", к числу которых он относил анатомию, хирургию, "Оперативную часть Акушерства, Прозекторскую часть Судебной медицины и круг Анатомии Врачебной и Патологической"¹. Правда, многое из изложенного М. Я. Мудровым (развертывание хирургической и акушерской клиник, создание богатых и "поучительных" анатомических коллекций, организация практического преподавания анатомии и судебной медицины) было попечителю уже известно, обсуждалось еще до принятия Устава Императорского Московского университета и ко времени получения его письма частично реализовывалось. Новым, требовавшим серьезного осмысления было лишь предложение ввести на медицинском факультете преподавание патологической анатомии. Новым и требовавшим осмысления потому, что российские медицинские учебные заведения не имели опыта преподавания патологической анатомии, а его введение не предусматривалось утвержденным 5 ноября 1804 г. университетским уставом.

Сказанное выше, разумеется, не означает, что в России в XVIII веке не было известно о возможности с помощью "анатомии мертвых тел" устанавливать причину смерти или судить об "органических повреждениях животного тела", причиненных болезнью. Россия была едва ли не первой в Европе страной, где еще в 1722 г. было законодательно установлено обязательное вскрытие умерших в госпиталях. Медицинская канцелярия в нескольких регламентах, инструкциях и указах предписывала, чтобы такие вскрытия проводились в присутствии учащихся госпитальных школ и сопровождалась, по словам Б. Н. Палкина, чем-то "вроде современных клинично-патологических конференций"². "Велеть часто разобранье анатомическое чинить в палате, определенной на то в госпитале, — указывалось в "Генеральном регламенте о госпиталях и о должностях определенных при них докторов и прочих медицинского чина служителей..." (1735 г.), — при чем сам (госпитальный доктор. — *Авт.*), також лекари, подлекари и ученики должны быть, которым он должен толковать о всех членах и о болезнях и о лекарствах, пристойных к тем болезням, а особливо которые будут болезни странные, тех отнюдь не пропускать без анатомического действия..."³.

Особенно настойчиво и целеустремленно действовал в этом направлении выдающийся русский медицинский администратор и реформатор медицинского образования П. З. Кондоиди. В "Инструкции об экзаменах" (1745 г.), "Инструкции, данной младшим госпитальным докторам генеральных госпиталей"

(1753 г.), указах Медицинской канцелярии от 4 июля 1754 г. и от 24 октября 1758 г. он разъяснял важность проведения вскрытий умерших в госпиталях, требовал, чтобы учащиеся присутствовали "...при чинимых анатомических свидетельствах, посылаемых из разных мест мертвых тел для изыскания причин смерти и бываемых в госпиталях таковых-же анатомических свидетельств умерших от болезней, и слушать бываемое при том докторское и операторское рассуждение о причине смерти и записывать для своего просвещения впредь"⁴.

Обилие сохранившихся документов, содержащих начальственные предписания об использовании в учебном процессе в госпитальных школах вскрытий умерших в госпиталях, навело некоторых исследователей истории отечественного медицинского образования и прозекторского дела⁵ на мысль, что систематическое преподавание патологической анатомии в российских медицинских учебных заведениях проводилось уже в XVIII веке сначала в госпитальных школах, а затем и на медицинском факультете Московского университета.

"Характерно, — писала, например, В. Л. Дерябина, подводя итоги анализа законотворческой деятельности Медицинской канцелярии в первой половине XVIII века, — что практические занятия на трупах с учениками начали проводиться в России очень рано. Чтение курса внутренних болезней с 1735 г. сопровождалось патологоанатомическими вскрытиями с целью проверки диагноза, установленного при жизни. Все эти обстоятельства свидетельствуют, что в отношении организации и постановки медицинского образования Россия уже тогда была передовой"⁶. Б. Н. Палкин утверждал, что патологическая анатомия преподавалась "во всех госпитальных школах с самого начала..."⁷. Справедливость приведенных выше суждений при несомненной их патристичности вызывает серьезные сомнения.

Наличие даже самой совершенной "нормативной базы" само по себе еще не служит гарантией того, что изложенные в регламентах, инструкциях и указах предписания ревностно выполнялись. Исследователи российской истории неоднократно сталкивались с тем, что закон и общественная практика веками существовали как бы параллельно, независимо друг от друга. Более того, известны достаточно многочисленные факты издания законодательных и нормативных актов, содержавших предписания, важные для развития экономики и культуры, выполнение которых наталкивалось на труднопреодолимые препятствия, поскольку для этого в стране еще не созрели условия. Такими реформаторскими, по замыслу прогрессивными, законодательными и нормативными актами изобиловали петровская и послепетровская эпохи. Они, как правило, либо не выполнялись вовсе, либо процесс их воплощения в жизнь протекал болезненно и растягивался на долгие годы. По-

³Генеральный регламент о госпиталях и о должностях определенных при них докторов и прочих медицинского чина служителей, также комиссаров, писарей, мастеровых, работных и прочих к оным подлежащих людей // Чистович Я. История первых медицинских школ в России. — СПб., 1883. — С. XIII.

⁴Указ Медицинской канцелярии от 4 июля 1754 г. — С. 309.

⁵Дерябина В. Л. Очерки развития прозекторского дела в России и СССР. — М., 1958; Палкин Б. Н. Русские госпитальные школы XVIII века и их воспитанники. — М., 1959; Вайль С. С. Очерки развития патологической анатомии в России и Советском Союзе // Труды Военно-морской медицинской академии. — 1941. — Вып. 1. — С. 21—53.

⁶Дерябина В. Л. Цит. соч. — С. 12.

⁷Палкин Б. Н. Цит. соч. — С. 42.

этому для установления истинного положения вещей историческому анализу должны подвергаться как сами нормативные документы, так и документальные материалы, характеризующие формы и объем выполнения содержащихся в них предписаний.

В контексте изложенного выше совсем не оригинального подхода можно с уверенностью говорить о проведении вскрытий умерших в госпиталях и об использовании госпитальных анатомических театров для судебно-медицинских вскрытий. Протоколы таких вскрытий, хотя и немногочисленные, обнаружены в архивах. Что же касается убедительных документальных свидетельств преподавания патологической анатомии в госпитальных школах или систематического присутствия учащихся этих школ при "бываемых в госпиталях... анатомических свидетельствах умерших от болезней", чтобы "слушать бываемое при том докторское и операторское рассуждение о причине смерти и записывать для своего просвещения впредь", то таковые авторами, утверждающими, что в госпитальных школах преподавалась патологическая анатомия, не приводятся. Многочисленные цитаты из регламентов, инструкций и указов Медицинской канцелярии, с их точки зрения, служат достаточным доказательством достоверности сделанных ими выводов. Эти цитаты, однако, достоверно свидетельствуют лишь о том, что И. Фишер и П. З. Кондоиди, подобно ведущим профессорам Лейденского университета, в котором они учились, считали систематические демонстрации аутопсий тех, кого учащиеся наблюдали в госпитале как пациентов, важнейшим компонентом практической подготовки будущих лекарей. Настойчивость же, с которой, например, П. З. Кондоиди регулярно повторял в своих инструкциях и указах одни и те же предписания об обязательном участии учащихся госпитальных школ в проводимых вскрытиях умерших в госпиталях, наводит на мысль, что эти предписания выполнялись, мягко говоря, не слишком ревностно, а то и не выполнялись вовсе.

Примечательно также, что сторонники версии о систематическом преподавании патологической анатомии в госпитальных школах не называют ни одного имени преподавателя этой дисциплины и расходятся в суждениях о времени ее введения в учебный процесс. Так, Б. Н. Палкин, утверждая, что "во всех госпитальных школах" патологическая анатомия преподавалась "с самого начала" (следовательно, со времени их открытия) "наряду с нормальной анатомией", тут же разъясняет: "Об этом свидетельствуют указания генерального регламента"⁸. Но при этом Б. Н. Палкин не объясняет, как может "Генеральный регламент о госпиталях...", принятый в 1735 г., свидетельствовать о преподавании патологической анатомии в Московской госпитальной школе "с самого начала", т. е. с 1707 г., и как в Московской госпитальной школе было организовано преподавание патологической анатомии в курсе анатомии нормальной, если к началу 60-х годов XVIII века практическое преподавание анатомии там, по данным К. И. Щепина, было поставлено попросту слабо⁹.

Близкие по характеру вопросы возникают и к текстам В. Л. Дерябиной. Требуется, например, разъяснения ее сообщение, что в госпитальных школах "чтение курса внутренних болезней с 1735 г. сопровождалось патологоанатомическими вскрытиями...", поскольку такого предмета в госпитальных школах тогда не преподавалось.

В. М. Рихтер, свидетельство которого особенно важно как сделанное, что называется, по свежим следам, считал, что "юные воспитанники Хирургии при Гошпиталих получали вожденный случай находиться при трупоразыятиях: приучаться разыскивать Патологическим и Судебным Медицинским образом... причину смерти и свойства болезни", не "с самого начала" и не с 1735 г., а лишь после Указа Елизаветы Петровны от 2 мая 1746 г. Этим указом предписывалось "все трупы скоропостижно умерших, как на пр. от пьянства, побоев, и т. д., отсылать для рассмотрения в Анатомический театр, учрежденный при Медико-хирургических училищах". "Они узнали, — сообщает далее В. М. Рихтер, — форму, по коей должны сочиняемы быть таковые донесения по части Судебной Медицины. Сие особенно было тогда по тому нужнее, поелику в сие время не читалось публичных лекций о Судебной Медицине"¹⁰. Как видно из приведенного текста, В. М. Рихтер связывал "получение" учащими-

ся госпитальных школ "вожденный случай находиться при трупоразыятиях" не с преподаванием патологической анатомии в курсе анатомии нормальной, как полагал Б. Н. Палкин, и не с "чтением курса внутренних болезней", как утверждала В. Л. Дерябина, а с обучением их составлять "донесения по части судебной медицины", обучения в значительной мере формального и неполноценного, "поелику в сие время не читалось публичных лекций о Судебной Медицине".

Нет согласия между исследователями и в отношении организации преподавания патологической анатомии после утверждения для госпитальных школ единого учебного плана (1754 г.). В. Л. Дерябина, по-видимому, считала, что в этом отношении выполнялись предписания П. З. Кондоиди, в соответствии с которыми учащиеся на седьмом, завершающем году обучения должны были непременно "...присутствовать при чинимых анатомических свидетельствах..."¹¹. М. Б. Мирский сообщает, что "обучение патологии (включая патологическую анатомию) начиналось на четвертом году обучения и продолжалось на пятом и шестом"¹². Б. Н. Палкин, перечисляя предметы, преподавание которых предусматривалось "систематизированным учебным планом, установленным для всех школ указом П. З. Кондоиди" и "сохранявшемся почти без изменения до 1795 г.", патологической анатомии не называет. Более того, при чтении текста Б. Н. Палкина создается впечатление, что точно разобраться с реальным содержанием программы обучения в госпитальных школах практически невозможно. "Однако этот срок обучения (семи-летний. — *Авт.*), — писал Б. Н. Палкин, характеризуя единый учебный план госпитальных школ, — полностью выдерживался редко. Как правило, хорошо успевающим ученикам уже через 2—3 года обучения при условии успешной сдачи экзамена присваивалось звание подлекаря; а через 1—2 года после этого — звание лекаря. Таким образом, фактически срок обучения в медико-хирургических школах составлял чаще всего 4—5 лет"¹³. За счет чего срок обучения сокращался на 2—3 года? Какие дисциплины при этом преподавались, а какие нет? Возможно ли при таком положении было изучать патологическую анатомию и, если да, то в каком объеме? Кто знает? Воистину трудно ловить черного кота в темной комнате, особенно если его там нет.

Отсутствие документальных свидетельств и наличие противоречивых указаний в литературных источниках, конечно же, не исключают полностью того, что учащиеся госпитальных школ (медико-хирургических училищ) эпизодически присутствовали на вскрытиях умерших в госпиталях и выслушивали "бываемое при том докторское и операторское рассуждение о причинах смерти" и что преподаватели анатомии, хирургии, медицинской практики время от времени сообщали слушателям отдельные сведения, которые сегодня мы назвали бы патологоанатомическими. Но обучением патологической анатомии такое положение не назовешь. "О преподавании патологической анатомии в госпитальных школах не могло быть и речи, — писал Ю. В. Гулькевич, — так как в это время патологическая анатомия даже в самых передовых странах не была самостоятельной дисциплиной"¹⁴. И несмотря на жесткость и императивность этого высказывания, ему не откажешь в справедливости. Молодая российская наука в области патологической анатомии не опережала науку европейскую, а госпитальные школы по уровню преподавания не превосходили европейские университеты. Не случайно большинство наиболее знаменитых их питомцев проходили стажировку в "чужих краях". Время "ездить в Россию за покупкой мудрости" еще не пришло.

В отношении преподавания патологической анатомии в Московском университете в отечественной историко-медицинской литературе существует две версии. Сторонники первой полагают, что впервые патоморфологические сведения стали включаться в учебный процесс на факультете профессором "врачебного веществословия" И. Х. Керштесом и что произошло это практически сразу же после основания Московского университета; авторы второй версии датируют начало преподавания элементов патологической анатомии концом 70-х годов XVIII века и связывают его с именем профессора анатомии и хирургии Ф. Ф. Керестури.

Первая версия появилась в литературе в конце прошлого века. Ее сформулировали и развивали главным образом патологи, публиковавшие работы по вопросам истории патологической

⁸Палкин Б. Н. Цит. соч. — С. 42.

⁹Характеризуя меры, проведенные К. И. Щепиным (1762 г.) по совершенствованию преподавания анатомии, А. Н. Алелеков указывал: "...ученики постоянно должны были присутствовать при препаровке, почему, как писал Щепин, "многие подлекари и старые ученики, которые прежде сего многих частей в натуре не видели, кроме имени их..." // Алелеков А. Н. История Московского Военного госпиталя в связи с историей медицины в России. К 200-летию юбилею его 1707—1907. — М., 1907. — С. 413.

¹⁰Рихтер В. М. История медицины в России. — М., 1820. — Ч. III. — С. 306—307.

¹¹Дерябина В. Л. Цит. соч. — С. 17.

¹²Мирский М. Б. Медицина России XVI—XIX веков. — М., 1996. — С. 109.

¹³Палкин Б. Н. Цит. соч. — С. 38—39.

¹⁴Гулькевич Ю. В. История патологической анатомии // Многотомное руководство по патологической анатомии. — М., 1963. — Т. 1. — С. 70.

анатомии в России. "Преподавание патологической анатомии, — писал в 1892 г. Н. Ф. Мельников-Разведенков, — хотя и не в виде самостоятельной отрасли, велось чуть не с самого основания Московского университета в 1755 г., когда зачатки зарождавшейся тогда патологической анатомии случайно проскальзывали при чтении лекций "врачебного веществословия" единственным профессором медицинского факультета И. Х. Керштенсом¹⁵. Спустя полвека А. И. Абрикосов высказал ту же мысль, но в более императивной форме: "В Московском университете, — писал он, — еще до организации медицинского факультета можно было наблюдать, как при чтении различных курсов, касающихся медицины, уделяется уже большое внимание анатомическим находкам при различных болезнях. В частности, такие сведения сохранились о курсе проф. Керштенса, который в семидесятых годах XVIII столетия читал в университете курс "Врачебного веществословия"¹⁶. И хотя никаких ссылок в связи с замечанием о "сохранившихся сведениях" А. И. Абрикосов не привел, в публикациях исследователей более позднего времени (В. Л. Дерябина, 1958 г.; Ю. В. Гулькевич, 1963 г.) о введении преподавания патологической анатомии в Московском университете именно профессором И. Х. Керштенсом сообщалось уже как о бесспорном историческом факте¹⁷.

В. Л. Дерябина и Ю. В. Гулькевич позволили себе лишь внести некоторые уточнения в вопрос о времени, когда И. Х. Керштенс стал включать сведения по патологической анатомии в читавшийся им курс "врачебного веществословия", по которому у Н. Ф. Мельникова-Разведенкова и А. И. Абрикосова не было единого мнения. Должно быть, они обратили внимание на то, что И. Х. Керштенс приступил к преподаванию этого курса только в 1764 г., а 4 марта 1770 г. покинул Россию. "Преподавание патологической анатомии на медицинском факультете Московского университета, — читаем мы в статье Ю. В. Гулькевича, — началось через 9 лет (1764) после организации университета. Сначала патологическая анатомия была включена в курс "врачебного веществословия", который читал единственный в то время профессор медицинского факультета Керштенс. Позднее некоторые патологоанатомические сведения сообщались студентам на лекциях по нормальной анатомии (И. Ф. Эразмус, С. Г. Зыбелин)"¹⁸.

Хотя версия об иницирующей роли И. Х. Керштенса достаточно прочно вошла в литературу по истории патологической анатомии в России, никаких, даже косвенных документальных подтверждений ее справедливости до сих пор обнаружить не удалось. Более того, трудно объяснить, какую цель мог преследовать этот опытный европейский профессор, включая сведения об отклонениях в строении органов и частей тела, встречающихся при болезнях, в курс лекций, посвященный описанию "простых лекарств... и аптекарским из оных приготовлениям и сложениям"¹⁹.

Не находит документального подтверждения и процитированное выше утверждение о преподавании "некоторых патологоанатомических сведений" первыми профессорами анатомии И. Ф. Эразмусом и С. Г. Зыбелиным. Как свидетельствуют сохранившиеся протоколы заседаний Университетской конференции за 60—70-е годы XVIII века, из-за постоянного отсутствия трупов практические занятия в анатомическом театре не проводились, а использовавшиеся первыми профессорами анатомии учебные пособия для изложения теоретического курса анатомии — анатомические таблицы А. Шааршмидта (И. Ф. Эразмус) и учебник Я. Винслоу (С. Г. Зыбелин)²⁰ — каких-либо сведений об отклонениях в строении органов и частей человеческого тела не содержали.

¹⁵ Мельников-Разведенков Н. Ф. Прошлое и настоящее кафедры патологической анатомии в Императорском Московском университете // Сборник статей, посвященных профессору Московского университета Ивану Федоровичу Клейну. — М., 1892. — С. 2.

¹⁶ Абрикосов А. И. Кафедра патологической анатомии // 175 лет Первого Московского государственного института. М.—Л., 1940. — С. 159.

¹⁷ Дерябина В. Л. Цит. соч. — С. 21; Гулькевич Ю. В. Цит. соч. — С. 71.

¹⁸ Гулькевич Ю. М. Цит. соч. — С. 71.

¹⁹ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. — М., 1996. — С. 281—282.

²⁰ Сточик А. М., Затравкин С. Н. Преподавание на медицинском факультете Московского университета // Исторический вестник ММА им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. IV. — С. 83—158.

Вторая версия, которой придерживались известные отечественные историки медицины И. Д. Страшун, Ф. Р. Бородулин²¹ и др., венгерские исследователи Э. Шультейс и Л. Тарди²², основывается на "Объявлении о публичных учениях в Императорском Московском университете...", в котором сообщается, что при преподавании "Анатомии и хирургии медицинской" профессор Ф. Ф. Керестури "не применит также анатомически изыскивать причины болезней и смерти на кадаверах на сей конец при-сылаемых"²³.

Поскольку такое объявление было опубликовано, создается впечатление, что версия о приоритете Ф. Ф. Керестури в преподавании патологической анатомии на медицинском факультете документально обоснована. Однако это впечатление обманчиво. Не случайно все без исключения авторы, касавшиеся проблемы преподавания Ф. Ф. Керестури патологической анатомии, так стремились "отредактировать" приведенный выше текст из расписания его лекций ("изыскивал анатомические причины болезней и смерти..." — Н. Ф. Мельников-Разведенков и А. И. Абрикосов; "положил начало... изысканию анатомических причин болезни и смерти в кадаверах..." — И. Д. Страшун и пр.)²⁴, а главное старательно умалчивали, что за 30 лет своей профессорской деятельности в Московском университете Ф. Ф. Керестури сделал такое объявление лишь однажды — в 1778 г.

М. Я. Мудров, слушавший лекции и посещавший занятия Ф. Ф. Керестури, полностью отвел от него всякие подозрения в причастности к преподаванию патологической анатомии. "Об Анатомии врачебной или патологической мы только слышали по имени во время предисловия к Анатомии"²⁵, — писал М. Я. Мудров М. Н. Муравьеву и вслед за этим предпринял попытку "убедить" попечителя и Совет Московского университета "в необходимости оной"²⁶.

Если в России введение в университете преподавания патологической анатомии в начале XIX века было новацией, то в Европе по этому вопросу уже имелся опыт. Патологическая анатомия начала включаться в число предметов преподавания на медицинских факультетах ведущих европейских университетов практически сразу после возникновения ее как самостоятельной науки — в последней четверти XVIII века. Такая быстрая реакция обычно консервативной университетской профессуры на возникновение новой науки была, по-видимому, связана прежде всего с тем, что почва для введения ее систематического преподавания была там уже достаточно подготовлена. Более двух веков анатомы и клиницисты сообщали студентам сведения о морфологических изменениях органов и частей тела, "причиненных" различными заболеваниями.

Первыми начали профессора анатомии тех университетов, где она преподавалась на трупах в анатомических театрах и где в учебных целях проводилось достаточное число вскрытий. На первых порах, в XVI — первой трети XVII веках, они лишь фиксировали внимание студентов на изменениях в строении органов и частей человеческого тела, случайно обнаруживаемых при демонстрационных вскрытиях. Тогда же сведения об этих изменениях начали включаться в анатомические труды. В сочинениях Б. де Карпи и А. Беневенини, А. Везалия и Г. Фаллопия, Р. Колломбо и Б. Евстахия, Фабриция и др. можно встретить описания обнаруженных ими при вскрытиях патоморфологических находках. По мере накопления новых данных по "анатомии больших органов", создания анатомических коллекций, в которые включались и патологоанатомические препараты, объем патоморфологического материала в курсах нормальной анатомии постепенно расширялся. Параллельно росло и число университетов, внедрявших наглядные формы преподавания анатомии, и вместе с этим материалов по анатомии патологической. К середине XVIII века благодаря усилиям Б. Альбинуса и Ф. Рюйша,

²¹ Страшун И. Д. 175 лет // 175 лет Первого Московского государственного медицинского института. — М.—Л., 1940. — С. 10; Бородулин Ф. Р. 200 лет I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова // Очерки по истории I Московского ордена Ленина медицинского института имени И. М. Сеченова. — М., 1959. — С. 11.

²² Шультейс Э., Тарди Л. Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. — М., 1976. — С. 130.

²³ Исторический вестник ММА им. И. М. Сеченова. — 1995. — Т. IV. — С. 104—105.

²⁴ Мельников-Разведенков Н. Ф. Цит. соч. — С. 3; Абрикосов А. И. Цит. соч. — С. 159; Страшун И. Д. Цит. соч. — С. 10.

²⁵ Письма М. Я. Мудрова... — С. 28.

²⁶ Там же. — С. 47.

И. Меккеля (старшего) и А. Вальсальвы, Дж. Б. Морганьи и других выдающихся анатомов эти процессы приобрели такой размах, что специалисты, занимавшиеся разработкой и изучением проблем университетского медицинского образования, оказались вынужденными констатировать появление в учебных программах медицинских факультетов европейских университетов фактически нового предмета, названного лейпцигским профессором Х. Людвигом "Анатомией тела человека здорового и больного и сравнением с живыми существами, лишенными разума"²⁷. Однако возникновение в 50 — 60 годах XVIII века нового комплексного предмета еще не означало введения преподавания систематического курса патологической анатомии в рамках кафедр анатомии нормальной: "При рассечении тех, которые умерли от болезни, — писал Х. Людвиг, характеризую цель преподавания "анатомии тела человека... больного", — пусть врачи занимаются тем, чтобы иллюстрировать на примерах гибель цельных частей"²⁸.

Другим источником сведений "до патологической анатомии касающихся" для студентов служил курс практической (внутренней) медицины в тех крайне немногочисленных в XVII и в большей части XVIII веках университетах, где он, во-первых, преподавался у постелей больных в клиниках, а во-вторых, профессорами, лично занимавшимися проведением патоморфологических изысканий. По-видимому, первым приглашать студентов на вскрытия умерших в клиниках больных, за ходом течения болезней которых они наблюдали на занятиях, стал основоположник внедрения практических форм обучения внутренней медицины и создатель клиники Лейденского университета профессор О. ван Херниус. Из числа его преемников систематические демонстрации вскрытий проводил Ф. де ла Боз (Сильвиус), считавший посмертные аутопсии неотъемлемым компонентом клинической подготовки²⁹.

В XVIII веке начинание лейденских профессоров продолжили Й. Юнкер в Галле, Дж. Ланцизи в Риме, И. Редерер и Э. Г. Бальдингер в Геттингене, А. де Гаен в Вене. И хотя по сравнению с анатомами профессора-клиницисты обращали значительно большее внимание на проблему клинко-анатомических сопоставлений, проводившиеся ими занятия на трупах также представляли собой не более чем изложение отдельных разрозненных сведений. Профессора-клиницисты не ставили перед собой задачи познакомить своих слушателей с патоморфологической картиной всех или хотя бы большинства заболеваний, входивших в преподававшийся ими курс. Такая задача попросту не могла возникнуть в условиях, когда заболевания диагностировались и выделялись в отдельные нозологические формы только на основании внешних клинических проявлений, а вскрытия проводились с целью установления причин смерти конкретных больных и демонстрации студентам различных морфологических повреждений, вызываемых той или иной болезнью, для лучшего усвоения клинического материала³⁰.

Положение резко изменилось в последней четверти XVIII века после того, как под влиянием выдающегося труда Дж. Б. Морганьи "De sedibus et causis morborum per anatomen indagatis" ("О местопребывании и причине болезней, выявленных анатомом", 1761) врачами и университетской профессурой было осознано истинное значение патоморфологических данных для клиники.

По-видимому, одним из первых в полной мере оценил величие и перспективы осуществленного Дж. Б. Морганьи методологического прорыва выдающийся клиницист и реформатор медицинского образования И. П. Франк³¹. Пользуясь своим положением не только профессора патологии и клиники Павийского университета, но и руководителя медицинского дела и образования в Австрийской Ломбардии, И. П. Франк во второй половине 80-х годов XVIII века начал читать демонстрационный курс патологической анатомии, используя в преподавании как вскрытия трупов умерших в своей клинике, так и препараты университетского патологоанатомического кабинета. В 1793 г.

инициативу И. П. Франка поддержал профессор Галльского университета Ф. Т. Меккель, организовавший преподавание самостоятельного курса патологической анатомии в рамках кафедр нормальной анатомии. В 1796 г. патологическая анатомия в виде отдельного курса начинает читаться в Венском университете, где главным инициатором этого нововведения выступил тот же И. П. Франк. Правда, в Вене он пошел несколько дальше своих же павийских преобразований: И. П. Франк добился не только введения преподавания курса патологической анатомии и организации на кафедре внутренней клиники обширного патологоанатомического музея, но и выделения должности прозектора для проведения практических занятий по патологической анатомии. В 1796 г. на эту должность без жалования был назначен прозектор Венского Krankenhaus'a А. Р. Феттер³².

На рубеже XVIII—XIX веков преподавание патологической анатомии вводят М. Биша (совместно с анатомией и хирургией) в парижском Hotel-Dieu и П. Порталь в College de France. Одновременно с этим в разных странах Европы выходят в свет первые специальные руководства по патологической анатомии (Х. Людвиг, Ж. Лето, Фойгтель)³³ и первый учебник для преподавания систематического курса этой дисциплины (М. Бэйлли, 1796 г.)³⁴. Наконец, в 1799 г. профессора парижской Ecole de Sante выступают с предложением организовать первую самостоятельную кафедру патологической анатомии³⁵.

Инициатива парижских профессоров не получила поддержки, и первая кафедра патологической анатомии была открыта в 1819 г. профессором Страсбургского университета И. Ф. Лобштейном³⁶. В Париже кафедра патологической анатомии была учреждена в 1836 г., через год после смерти Г. Дюпюитрена, завещавшего крупную сумму денег на создание музея и кафедры патологической анатомии³⁷. Первым профессором этой кафедры и ее фактическим создателем стал Ж. Крювелье.

Возвращаясь к событиям рубежа XVIII—XIX веков, отметим, что предложение парижских профессоров 1799 г. было своего рода знаковым. Начиная с этого времени отдельные систематические курсы патологической анатомии становятся неотъемлемой составной частью учебного процесса в большинстве медицинских школ Европы, и М. Я. Мудров, проходивший стажировку в Германии, Австрии, Франции в 1802—1805 гг., имел возможность в этом убедиться. Ему, правда, не довелось посетить занятий И. П. Франка и А. Р. Феттера в Вене и М. Биша в Париже, но того, что он увидел и услышал на лекциях и "практических упражнениях" по патологической анатомии Ю. Х. Лодера в Галле, Г. Дюпюитрена и П. Порталья в Париже, К. К. Зибольда в Берлине, оказалось более чем достаточно, чтобы настоятельно рекомендовать попечителю и Совету срочно ввести преподавание патологической анатомии на медицинском факультете Московского университета.

Ко времени составления письма М. Я. Мудров уже не представлял себе будущего медицины без патологической анатомии и полагал, что "объяснять болезнь" можно только "через поврежденное строение". Ему представлялось уже совершенно недопустимым положение дел, при котором выпускники Московского университета знают патологическую анатомию "только по имени", а в Петербургской медико-хирургической академии "Анатомия Патологическая, при двух огромных госпиталях, каковы суть Морская и Сухопутная, при сем обилии поучительных субъектов, почти во всех родах болезней — там вовсе в без-

²⁷Ludwig Ch. G. Methodus doctrinae medicae universae. — Lipsiae, 1766. — S. 32: Пер. с лат. проф. В. Ф. Новодрановой.

²⁸Там же. — С. 43.

²⁹Variety M., Coury Ch. Histoire de la medicine. — Paris, 1963. — S. 595.

³⁰Об этом подробнее см.: Сточик А. М., Пальцев А. М., Затравкин С. Н. К истории возникновения патологической анатомии // Архив патологии. — 1999. — № 6.

³¹Патологическая анатомия, — писал И. П. Франк вскоре после выхода в свет труда Дж. Б. Морганьи, — это непересыхающий источник новых важнейших для практической медицины знаний, указывающих путь и определяющих терапевтические действия" // Lesky E. Johann Peter als Organisator des medizinischen Unterrichts // Sudhoff's Archiv für Geschichte der Medizin und der Naturwissenschaften. — Bd 39. — Hf. 1. — S. 7.

³²В 1811 г. должность прозектора стала оплачиваемой и ее занял Л. Бирмайер, ставший в 1821 г. экстраординарным профессором патологической анатомии Венского университета. 1 ноября 1827 г. к Л. Бирмайеру на место практика был зачислен К. Рокитанский, который в 1844 г. стал первым ординарным профессором патологической анатомии Венского университета // Lesky E. Neue Wiener Schule. — Wien, 1982 — S. 97—100.

³³Ludwig Ch. G. Primae Lineae Anatomiae Pathologicae. — Lipsiae, 1795; Conradi Handbuch der Pathol. Anatomiae. — Hannover, 1796; Voigtel Handbuch der Pathol. Anatomiae. — Halle, 1804.

³⁴Учебник М. Бэйлли был переведен на русский язык: Бэйлли М. Патологическая анатомия важнейших частей тела человеческого, преимущественно находящегося в главных четырех полостях: Пер. с англ. И. А. Костомарова. — М., 1826.

³⁵Puschmann Th. Geschichte des medizinischen Unterrichts. — Leipzig, 1899. — S. 435.

³⁶Lesky E. Neue Wiener Schule. — Wien, 1982 — S. 99.

³⁷Заболотский П. П. Очерк по истории медицинской анатомии // Записки по части врачебных наук. Медико-хирургическая академия / Под ред. П. Дубовицкого. — СПб., 1844. — Кн. 3. — С. 95—96.

действи. Там умирают больные, не оставляя по себе причины их болезни, которая разрушила их организм"³⁸.

Основным средством убеждения в необходимости патологической анатомии для врачебного образования М. Я. Мудров избрал обстоятельное "языком всеобщим и понятным для врачей и не-врачей" разъяснение тех важнейших последствий, к которым уже привело и к которым в скором времени обязательно должно привести широкое внедрение в исследовательскую и лечебно-диагностическую работу врачей достижений и методологических подходов "новой науки".

Таких последствий М. Я. Мудров выделил по меньшей мере три. Первое: "строгое исследование болезненных произведений" (тщательное изучение морфологических изменений органов и частей человеческого тела при различных заболеваниях) "должны нам служить основанием теории патологической". М. Я. Мудров убежден, что важнейшая историческая миссия патологической анатомии состоит в "поправлении теорий": постепенном пересмотре прежних и еще существующих умозрительных "объяснений причин болезней" и формировании новых, почерпнутых из показанного Морганью "храма природы" (естественно-научных), основ патологии. Ведь поскольку "материя и форма человеческого тела суть причастны вещественным впечатлениям стихий, суть подвержены переменам, и чрез оныя сообщают нам знаки и явления (курс. наш. — *Авт.*) там болью, здесь изменением цвета и фигуры, инде леностию органов, и пр., то кажется ближе искать в них же самих и ближайшей причины..."³⁹. При этом, по мнению М. Я. Мудрова, особенно важно, что патологоанатомический метод исследования дает возможность изучать "болезненные произведения" и, следовательно, клинико-анатомические параллели на различных стадиях развития заболевания. "Бесспорно, — отмечает он по этому поводу, — что судя по строгости нынешних теорий, дезорганизованные части суть остатки болезней, и что первая впечатления вредоносных действий равным образом в оных изглажены; но я не отчаяваюсь дойти до начала болезни, естьли буду иметь свиту препаратов одной и той же болезни, взятых из разных субъектов, кои умерли в разные периоды болезней. Сим образом узнали мы процесс оскотенения и родотворения. Сим же образом, надеюсь, мы дойдем до познания свойства и места болезней, и правильнее заметим отгушовки перемен"⁴⁰. И хотя М. Я. Мудров ясно сознавал, что патологоанатомические исследования "не всегда могут нас руководить к безсомненному познанию причин", вызвавших повреждение органов и соответствующую им клиническую симптоматику, "ибо болезненные причины иногда совершаются в составных частицах тел, в упругости их сплетения и степеней их раздражительности, что есть сокровенно от пытливых глаз наблюдателя", он был уверен, что "строгое исследование болезненных произведений" является "единственным средством, могущим разогнать мрак, в коем погружена Патология Хирургическая"⁴¹. "По крайней мере, — подчеркивает М. Я. Мудров в письме М. Н. Муравьеву, — поучаем будучи ежегодными переменами модных теорий, я не вижу другой дороги добиться истины..."⁴².

Вторым важнейшим последствием внедрения патологической анатомии в исследовательскую и повседневную практическую деятельность врачей, по мнению М. Я. Мудрова, являлось "усовершенствование диагностики". И если, разбирая вопросы влияния достижений анатомии на "поправление теорий", М. Я. Мудров высказал уже в целом общепризнанные в Европе мысли, то здесь в полной мере проявилась сила его собственного интеллекта. В начале XIX века еще далеко не все врачи и университетские профессора смогли отказаться от прежнего "симптомологического" подхода к выделению нозологических форм болезней и пойти по пути, предусматривающему необходимость установления клинико-анатомических корреляций с последующим анализом собранного материала, исходя из идеи первичности повреждения структуры по отношению к обнаруживаемым в клинике симптомам. Не многие врачи смогли полностью согласиться с Дж. Б. Морганью, И. П. Франком, Ф. Пинелем, М. Биша в том, что патоморфологические изменения должны считаться по меньшей мере столь же важными знаками заболеваний, как и клиническая симптоматика. М. Я. Мудров смог. "Есть много вещей, — писал он в 1805 г. М. Н. Муравьеву, — до коих мы не доходим в живом теле, по причине

противоречащих перемен, по обманам боли, часто являющейся в отдаленности от гнезда болезни, по несовершенству языка больных, рассказывающих свои страдания, по их предрассудкам о существе болезни, и по вопросам врачей, которые часто делают экзамен болезни в сообразность их любимой теории. По крайней мере, над трупом мы будем ближе подходить к истине, исследывая произведение болезни и сравнивая минувшая явления с существом оной. Разбогатов в сих данных истинах, кои суть награда беспрестанных трудов, мы дойдем со временем до важных открытий, кои полезнее будут для Патологии..., чем все теории. Вот что раскрывает существо болезней и их форму!"⁴³. Какое удивительное сходство со взглядами на патологическую анатомию, о которых чуть позднее не в форме идеи, а в виде доказанных и подкрепленных огромным исследовательским материалом выводов, врачи узнают из трудов Р. Лаэннека. Какое блистательное предвидение великих достижений французских клинических школ 20—30-х гг. XIX века.

Третье: внедрение в программу обучения на медицинском факультете патологической анатомии и ее практического преподавания приведет к подготовке врачей нового типа. Новое знание, соединенное с клинической подготовкой, пусть не сразу ("... сие предприятие не обещает скорого совершенства..."), но все же постепенно поможет врачам "сойти с эмпирических высот безвещественного мира" и увидеть то, "что под их глазами и что подвержено здравому смыслу". Тогда на смену "ослепленных блеском высокопарных умствований", ищущих "причин болезней в строении вселенной", придет новое поколение реально мыслящих врачей, "объясняющих болезнь из поврежденного строения"⁴⁴.

Внушая попечителю мысль о необходимости скорейшего введения патологической анатомии в программу обучения на медицинском факультете Московского университета, М. Я. Мудров в то же время не давал каких-либо рекомендаций по организации преподавания новой дисциплины. В "Чертеже практических наук..." он сообщал, что в зарубежных высших медицинских учебных заведениях ее преподавание организовано по-разному: в одних — при кафедре анатомии, в других — при кафедре хирургии, в третьих — при кафедре частной патологии и терапии, в четвертых — при кафедре акушерства, как бы давая этим понять, что единого принципа преподавания этой дисциплины еще не выработано и что в каждом из посещенных им учебных заведений патологическую анатомию (или ее элементы) преподавал профессор, достаточно осведомленный в этом предмете, а главное, убежденный в его необходимости. Похоже, что сам М. Я. Мудров был сторонником введения обширных сведений по патологической анатомии в программу преподавания всех "рукодеятельных" наук — анатомии, хирургии, акушерства, судебной медицины (иначе зачем ему было подробно разъяснять важность включения патологических материалов в соответствующие курсы) — но скорее всего тогда, в 1805 г., он не видел возможности (или необходимости) организации самостоятельного курса этой дисциплины. Выбор конкретных форм скорейшего, хотя и постепенного, внедрения преподавания патологической анатомии он как бы оставлял на решение попечителя и Совета факультета, поскольку понимал, что решение это зависит не от выбора предмета, с которым было бы легче всего совместить патоморфологические сведения, а от выбора профессора, знающего патологическую анатомию и способного ее преподавать.

Позднее, в письме М. Н. Муравьеву от 30 декабря 1805 г., М. Я. Мудров в присущей ему внешне самоуничижительной манере даст понять своему благодетелю, что внедрением собственных идей по реформированию преподавания на медицинском факультете, в том числе и в части введения патологической анатомии, он займется сам: "Чем же могу я блеснуть при начале моего служения в университете? — Велеречием? — Обыкновенное прибежище белоручек. Сочинениями? — Нет пользы в собранных правилах без собственной опытности в искусстве, которое есть результат долговременных опытов, наблюдений и работ. Удачею в городской практике? — Верное средство быть полезным себе, а не учащимся.

Препаратами анатомическими, клиникую в госпитале, препаратами патологическими, упражнениями в операциях... Вот предметы, с коих я начинать должен. Но, не имея ничего готового, я должен положить начало самим начинаниям. И я робую, смотря на сие поле трудов, до коих я недоблудителен"⁴⁵. Но М. Н. Муравьев ничем не смог помочь своему любимцу. Ко времени возвращения М. Я. Мудрова в Москву М. Н. Муравьева уже не было в живых.

³⁸ Письма М. Я. Мудрова... — С. 30.

³⁹ Там же. — С. 48.

⁴⁰ Там же. — С. 50.

⁴¹ Там же. — С. 48. "В чертеже практических наук..." М. Я. Мудров не касается проблематики клиники внутренних болезней.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. — С. 50—51.

⁴⁴ Там же. — С. 47.

⁴⁵ Письма М. Я. Мудрова... — С. 67—68.